

*А. С. Лагурев**

МИХАИЛ ЛИФШИЦ И БУДУЩЕЕ СОЦИАЛИЗМА**

Статья посвящена исследованию взаимосвязи философии истории и этики в философии Мих. Лифшица. Основой рассмотрения выступает вопрос о будущем социализма. Обращаясь к работам Лифшица разных лет, становится возможным проследить стройную систему взглядов, отсылающую к традиции классического марксизма, важнейшим положением которого выступает сложная диалектика идеального и реального в истории, где действуют не только материальные, но и моральные силы. Сквозь призму этой диалектики рассматривается вопрос о содержательной оценке социалистического движения — его успехов и неудач, а также о том, что может дать нам их понимание сегодня. Таким образом, согласно Мих. Лифшицу, самое главное, что социализм сегодня может предложить человечеству — это развитие экономики на основе товарищества, восстановление не только идеала, но прежде всего практики честного и свободного труда.

Ключевые слова: Мих. Лифшиц, марксизм, философия истории, этика, товарищество.

A. S. Lagurev

MIKHAIL LIFSHITZ AND THE FUTURE OF SOCIALISM

The article is devoted to the study of the relationship of philosophy of history and ethics in the philosophy of Mikhail Lifshitz. The basis for consideration is the question of the future of socialism. Turning to the works of Lifshitz of different years, it becomes possible to trace a coherent system of views, referring to the tradition of classical Marxism, the most important position of which is the complex dialectic of the ideal and the real in history, where not only material but also moral forces act. Through the prism of this dialectic, the question of the substantive assessment of the socialist movement — its success and failure, and what can give us their understanding today — is examined. Thus, according to Mikhail Lifshitz, the most important thing that socialism today can offer to humanity is the development of the economy on the basis of fellowship, the restoration of not only the ideal, but above all the practice of honest and free labor.

Keywords: Mikhail Lifshitz, Marxism, philosophy of history, ethics, fellowship.

* Лагурев Алексей Сергеевич, аспирант, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета; allag26@mail.ru

** Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-011-01042 «Консервативные идеи в советской философии и литературе (круг М. А. Лифшица)»).

Счастье, отмечал в своей архивной заметке Мих. Лифшиц, «состоит в достижении полноты существования», «счастлив тот, кто может жить будущим. Счастливы отдельные люди и народы, живущие будущим, счастливы мгновения, открывающие нам будущее» [20, с. 67]. Конечно, нельзя сказать, что будущее — это какой-то физический элемент или нечто подобное — вы не можете потрогать его, не можете выставить в витрине для демонстрации того факта, что вы им обладаете. Но когда его у вас нет, то ни один физический элемент, ничто из того, что вы можете предъявить в свою защиту, вас уже не спасет: у вас нет будущего. «И можете жаловаться!», — как писал Мих. Лифшиц.

Настоящее, у которого нет будущего, качественно отличается от настоящего, у которого это будущее есть. Будущее входит в состав настоящего и представляет собой необходимую идеальную перспективу, своего рода эстетический горизонт, предвосхищающий полноту бытия. Будущее есть то, что связывает нас с идеальной стороной истории. Парадоксально, но без этой идеальной связи не может существовать ничто подлинно реальное. Вместе с тем марксизм, в отличие от идеализма, показывает, что идеальное без реальной основы — звук пустой, ничто.

Многие философы в СССР называли Лифшица «последним марксистом», а писатель-антисоветчик Солженицын назвал его «ископаемым марксистом». Но этого ортодоксального марксиста в СССР нередко преследовали, его работы не публиковались, например, замечательная статья Лифшица «Нравственное значение Октябрьской революции», написанная к 50-летию Октября, была опубликована только через много лет после ее написания. Какова же главная мысль этой статьи, почему она не была принята официальным марксизмом в СССР? Вот что утверждал в ней Лифшиц:

Не сила играла главную роль в исторических сдвигах нашего времени. Прежде всего, нельзя забывать, что в начале революционной эры материальные преимущества были на стороне реакционных классов. Советская власть казалась неизмеримо слабее своих противников, слабее в хозяйственном и военном отношении, слабее оружием и деньгами, но она далеко превосходила враждебный лагерь своим обаянием. История будто нарочно создала такое испытание, при котором моральное превосходство и материальный вес не совпадали [16, с. 256].

Эта точка зрения, однако, вовсе не отрицает значимости экономического могущества и военной мощи, она лишь позволяет по-другому их понять — не как единственную причину, но как возможное следствие из превосходства морального. Конечно, героический порыв масс, «штурмующих небо» (по выражению Маркса), не всегда приводил к победе, первые в истории коммунистические движения погибали, как погибли введомые Томасом Мюнцером германские крестьяне в XVI в. и парижские коммунары в 1871 г. Здесь перед нами открывается поле исторической трагедии — важнейшей темы классической марксистской литературы (достаточно вспомнить хотя бы «Крестьянскую войну в Германии» Энгельса, «Гражданскую войну во Франции» Маркса и их совместную переписку с Лассалем по поводу его драмы «Франц фон Зиккинген», работы Ленина, посвященные революции 1905 г., его спор с Плехановым по поводу московского восстания и др.). Не имея возможности остановиться

на этом подробнее, необходимо все же заметить, что даже там, где циничный расчет политического прагматизма, сила оружия, денег и пропаганды все же одерживают верх, моральная сила не испаряется, она растет на стороне проигравших — по мере того, как убывает на стороне победителей (об этом замечательно писал Маркс в уже упоминавшейся «Гражданской войне во Франции».).

Европейские колонизаторы одолели коренное население покоренной ими Америки — цивилизаторская сила огнестрельного оружия была на их стороне, у проигравших не было и шанса, но пройдя сквозь пространство и время, объективное содержание этой исторической драмы, увиденное глазом художника, открылось маленькому еврейскому мальчику на другом конце света. Оно произвело на него такое громадное впечатление, что много десятилетий спустя он вспомнил о нем на смертном одре и заметил, что именно в тот далекий момент детства он впервые понял, что правда всегда на стороне угнетенных, а успех отнюдь не является критерием правильности поступка [22, с. 42]. Этому мальчику, близкому другу Мих. Лифшица, знаменитому марксисту Дьердю Лукачу, было суждено стать одной из центральных фигур европейской мысли XX в., комиссаром Венгерской советской республики 1919 г., много сделавшим для признания того положения, что моральная сила все же реальна, а отрицающие это будут вынуждены заплатить страшную цену за свое высокомерие.

Итак, идеальная, нравственная сторона человеческой истории, находящаяся в неразделимом единстве с ее механической, более вещественной стороной и заключающая в себе ее всеобщее содержание, позволяет нам под верным углом взглянуть на сам этот механизм. Пусть были одержаны великие победы, пусть производство растет, но много ли идеального, качественно более высокого воплотилось в этих количественных, калькулируемых показателях? Много ли всеобщего содержания, объективного смысла драмы мировой истории нашло путь в наш мир вещных отношений, очеловечив его? Иными словами, сумели ли мы найти ту нить, что связывает идеальное и реальное в самой объективной действительности, или никакой нити здесь нет и пропасть между ними только растет? Тема реальности идеального — одна из главных в философском наследии Лифшица.

Это старая, классическая проблема: тема идеала и действительности прежде всего связана с областью онтологии, однако и у нее есть свое социальное измерение. Проблема общественного идеала имеет столь же длинную историю, как и само общество. С момента отделения духовного труда от физического, как пишет об этом Маркс в «Немецкой идеологии», она приобретает все большую остроту в той мере, в какой развивается и сам классовый антагонизм, достигая своего пика в буржуазном обществе. Именно невозможность разрешить ее на высшей ступени классового общества есть одно из первых знамений того, что час классовой цивилизации пробил.

Однако там, где Французская революция зашла в тупик, Октябрьская революция сумела открыть миру совершенно иную перспективу. И это тут же ощутили не только самые тонкие интеллектуалы западного мира, вроде Дьердя Лукача, вспоминавшего, как «внезапно на горизонте появилась возможность того, что все может быть совершенно по-другому», и как «независимо от отношения к этому “другому”, это “другое” изменило всю нашу жизнь, жизнь

значительной части моего поколения» [22, с. 70], но и миллионные массы простых людей, которым открылся свет высокой правды нового мира.

Не случайно Бальзак, давший в своих произведениях непревзойденную панораму французского общества эпохи Реставрации, изобразил своих Гобсека и Вотрена людьми, полными могучей жизненной энергии. Именно об эту конкретность, об эту мощь кипучей жизни буржуазного общества не могли не разбиться все благородные, но абстрактные (и потому бессильные) иллюзии якобинцев. А значит, чтобы противостоять им, нужно что-то не менее, но более конкретное, что-то еще более живое, что-то способное указать путь к тем посредующим звеньям, что свяжут исторически обусловленную и ограниченную сторону человеческой деятельности с тем, что Маркс назвал «свободным духовным производством». И оно было найдено Октябрьской революцией в идее раскрепощения свободной самостоятельности самых широких народных масс, сплотившихся в порыве борьбы за свое освобождение. Именно здесь, в этой борьбе открылся источник той силы, что, по мысли Ленина, способна одержать не только временную победу над буржуазным миром, но и заложить основы для будущего развития. К ней он обращался в годы Гражданской войны, к ней же — в годы НЭПа. Эта мысль пронизывает собой все его наследие и приобретает особую роль именно в послереволюционный период.

Все те завоевания, что добываются борющимся народом, должны, согласно Ленину, «войти в плоть и кровь, превратиться в составной элемент быта вполне и настоящим образом», а не остаться лишь «мертвой буквой или модной фразой» [9, с. 391]. Этот процесс невозможно осуществить методами административного принуждения, только свободная самостоятельность масс, в отличие от всякой революции сверху, неважно — Бисмарка или Сталина, способна привести общество к образованию принципиально иных, очеловеченных социальных отношений в противовес овеществленным отношениям классового общества.

Главную роль в формировании этих новых отношений играет возможность честного труда и добровольная самодисциплина. «Воспитывать — писал Мих. Лифшиц — может только живое участие в общем деле, активной самоорганизации всех трудящихся против паразитов, эгоистов и мелких собственников» [16, с. 255]. Честный труд освобождающихся людей порождает возможность образования новых, товарищеских связей в обществе, составляющих ядро коммунистической нравственности, порывающей с частнособственнической моралью старого мира.

Эти товарищеские отношения, будучи единожды обретенными, и должны были, по мысли Ленина, укрепляться в новом социалистическом обществе, постепенно изживая всякие пережитки буржуазного строя. Именно в них видел он главный критерий успехов социализма: всякое экономическое и военное могущество относительно, оно необходимо как важное средство борьбы человечества за свое освобождение, но не стоит забывать, что оно является только средством, пусть даже и заключающим в себе известное содержание, средством, настоящую эффективность которого определяет форма его применения. Вместе с тем действительная сила товарищества состоит в том, что

возникнув и войдя в плоть и кровь, оно уже не может быть уничтожено никакими материальными силами.

Да, борьба с разрухой, голодом и нищетой являлась первоочередной задачей советской власти, но успех этой борьбы был невозможен без преодоления и другого наследия классовой цивилизации: страшной зависти, доходящей до ненависти ко всему высшему и лучшему, жульничества — мелкого и крупного, административного рвения, стремления командовать, манипулировать и превращать других людей в орудия своего интереса. Все это занимало важнейшее место в работах Ленина еще до Октября: достаточно вспомнить, к примеру, «Что делать?», где необходимым условием революционной борьбы он называет именно товарищество [10, с. 142], гораздо более глубокое, чем всякий формальный демократизм, или его конфликт с Плехановым, описанный в статье «Как чуть не потухла “Искра”?» (см.: [8]) — во все не случайно эта проблематика вновь появилась в центре его внимания именно в годы перехода к НЭПу, когда революция оказалась перед рубежом, который был принципиально непреодолим для всех революций прошлого, когда она должна была решить проблему идеала и действительности, когда «революционные декларации должны были воплотиться в плоть и кровь, в привычку, быт миллионов людей, получить систематическую разработку и охватить всю полноту обычного существования людей, не оставаясь абстрактным обещанием» [12, с. 277].

Революционная нравственность — это, по словам Лифшица, «близкодействие общественных отношений», существующее «там, где люди связаны общественной нитью не через тысячи посредствующих звеньев, а непосредственно, конкретно, соприкасаясь друг с другом как индивидуумы, живые существа, имеющие плоть и кровь» [16, с. 241–242].

Следуя за мыслью Ленина, Лифшиц обращается к этой теме уже во второй половине 1920-х, она играет важнейшую роль в его работах 1930-х, посвященных не только критическому анализу современной ему буржуазной мысли (прежде всего, фашизма) (см.: [14]), но и проблем социалистического строительства, общественной жизни СССР (см.: [17; 15]). Преодолев пятидесятилетний рубеж, социалистическая революция уже обладала военной и экономической мощью, социалистический лагерь успешно противостоял капиталистическому, но все эти завоевания отнюдь не гарантировали ему будущего автоматически — близкодействие общественных отношений, реальная коммунистическая нравственность не только не росла в Советском Союзе, но напротив — падала.

На первый взгляд, такое положение вещей в ведущем социалистическом государстве может показаться парадоксом: разве не о коммунистической нравственности постоянно твердила идеологическая машина, подкрепленная силами аппарата принуждения? Борьба за коммунистическую мораль действительно охватывала собой все сферы общества: не важно, идет ли речь о проблемах современного кинематографа или об уставных отношениях в армии, о постановке художественной пьесы в театре или о трудовой дисциплине на заводе — все имело свою моральную сторону, за чистотой которой следили специально уполномоченные партией и правительством работники.

Но чем больше коммунисты в СССР боролись «за нравственность», прибегая к разным мероприятиям, вроде кампаний «за самокритику», тем больше в СССР росла мораль частнособственническая, процветал карьеризм, дополнявшийся стремлением к праздной жизни. Поздний СССР пришел к тому, с борьбы против чего он начал свой путь — к страшной, лишенной всякого человеческого содержания казённой коммунистической оболочке.

И все же завоевания Октября были совершенно реальны, они не угасли и многие десятилетия спустя — опереться на них, дать им свободно развиваться, в этом Мих. Лифшиц видел шанс для будущего социализма. Однако сохранились они там, где официальная идеологическая машина не сумела их обнаружить. Антикоммунистический писатель Солженицын, сам того не подозревая, вопреки своим монархическим идеям невольно изобразил в своем знаменитом рассказе «Один день Ивана Денисовича» социалистический, товарищеский труд в рабских условиях сталинского концлагеря. В своих заметках по поводу этого рассказа (он был опубликован другом и единомышленником Лифшица, великим советским поэтом А. Твардовским) Мих. Лифшиц писал:

Только в том ужасном положении, в котором находится бригада Тюрина, только свободные от всякой возможности выслужиться, вылезти наверх, презирающие шакалов и все категории лодырей, руководимые подлинной товарищеской солидарностью и настоящим авторитетом бригадира, они, как в бою, — герои, способные на бескорыстный общественный труд, на увлечение искусством [13, с. 623].

Парадоксально, но произведение Солженицына Лифшиц назвал «симфонией освобожденного труда». В том, что эта симфония смогла зазвучать только в страшных условиях лагеря, быть может, заключалась главная трагедия Советского Союза, не нашедшего тех посредующих звеньев, что были бы способны создать и все дальше расширять условия роста товарищеской дисциплины на воле, где господствовал буржуазный эгоизм, в то время как свободный труд развивался в цепях.

2 августа 1979 г. Лифшиц записал для себя:

В конце двадцатых годов меня накрыла ультрасоциалистическая волна, которая именно благодаря своей «левизне» была слишком буржуазна. Но в ней было свое грозное обаяние, она была продолжением, хотя и своеобразным, великой революции. Теперь меня накрывает другая волна — обратная. Первую я поддерживал *im grossen* как «разумную действительность». Нынешняя, пробуржуазная волна мне отвратительна. Моя задача, чтобы не занесло слишком далеко вправо, чтобы история как-нибудь обошлась без реставрации Бурбонов. Это теперь — единственное, что может меня волновать [20, с. 101].

В связи с этим особый интерес представляет небольшой эпизод из переписки Лифшица с одним из его корреспондентов, М. М. Михайловым — убежденным коммунистом, честно пытавшимся найти те нити, что позволили бы вновь вдохнуть жизнь в идеалы социализма. В одной из своих статей, выступая с моральной критикой потребительства, низким стремлениям человека к удовлетворению своих материальных потребностей он аскетически противопоставил его высокую

духовную деятельность. Что скорее приближает нас к коммунизму — желание купить новые модные штаны или чтение «Науки логики» Гегеля? Возвращаясь к основным идеям Ленина, в своем ответе Михайлову Лифшиц пытается наметить те возможные посредующие звенья, что способны были бы гармонически соединить эмпирическую стихию жизни в условиях реального, брежневского социализма с идеалами, восходящими к завоеваниям Октябрьской революции: «...не вижу, почему чтение “Науки логики” нужно противопоставлять модным штанам. В них может быть больше “духа”, чем в чтении “Науки логики”. Смотря какое чтение и смотря как достаются штаны». Сосредотачивая свое внимание на проблеме нравственной формы, Лифшиц продолжает: «главная беда в том, что штаны достаются по благу, на нечестно полученные деньги, что их получение является не естественным следствием количества и качества затраченного труда, а “экономическим чудом”, следствием положения папы и мамы или собственной ловкости». Если бы советскому обществу удалось реорганизовать материальные, экономические отношения таким образом, чтобы не блат и не халтура, а единственно лишь честный труд стал залогом общественного престижа, основой роста личного благополучия, то тем самым на место частнособственнической морали, на место буржуазного эгоизма под воздействием раскрепостившейся массовой самодеятельности людей постепенно пришла бы новая атмосфера коммунистического товарищества, преодолевающая пропасть между эмпирическим субъектом социалистического общества и общественными идеалами коммунизма. Да, коммунистические добродетели не кормят массу, но если стремление к удовлетворению материальных потребностей, стремление к хорошей, сытой и красивой жизни будет силой честного труда сопряжено с «духовным подъемом людей, поскольку требует честной борьбы за повышение своего статуса в обществе, а не погони за тем, что бы такое своровать и выпить — сегодня, а завтра пусть будет всё, что угодно», то такое потребительское общество, писал Лифшиц, было бы «громким шагом к коммунизму, а нравственные требования ограничить свои ненасытные потребности до необходимого уровня — это “усладительные речи”, не более» [18, с. 197–199].

Незадолго до своей смерти, в 1983 г., предчувствуя грядущую «перестройку», Лифшиц делал наброски статьи о Ленине и НЭПе. Исследователь творческого наследия Мих. Лифшица, его ученик В. Г. Арсланов (см.: [2–7]), а также его многочисленные статьи, предисловия и комментарии практически во всех опубликованных за последние 20 лет книгах Мих. Лифшица, так характеризует главное содержание этой незаконченной статьи:

Если союз с Западом неизбежен, то вопрос в том, будет ли заключен союз основного производительного населения страны с Западом против отечественного бандита и мародера или же состоится союз воров и бандитов с Западом против основного производительного населения страны? [1, с. 216]

Только создание объективных условий для возможности честного труда, только рост демократического товарищества, о котором писал Ленин, может служить единственным надежным критерием оценки успешности проводимых преобразований, единственным указателем верного пути. Как гласит одна из заметок Мих. Лифшица, хранящаяся в Архиве РАН в Москве,

Надо превращать толпу в народ, объединять людей их самостоятельной организацией, бескорыстным трудом, культурой — вот безусловная основа для оценки того, кто прав, кто виноват.

На протяжении всей жизни Мих. Лифшиц отстаивал эту ленинскую идею, идею того, что главным критерием успешности социалистических преобразований должен служить рост реального товарищества всех людей труда, включая и труд духовный. И сегодня, обращаясь к истории этой жизни, мы можем взять из нее нечто большее, чем просто теоретическую программу. Г. Э. Лессинг как-то заметил относительно Сократа: «...прекрасные изречения и нравоучения — это именно то, что мы всего реже слышим от такого философа, как Сократ; его общественная деятельность — вот единственная мораль, которую он проповедует» [11, с. 192]. Мих. Лифшиц также с неприятием относился ко всякой проповеди, читающейся свысока, с позиции высококонравного учителя жизни. И вместе с тем его общественная деятельность была действительной школой коммунистической морали. Мы можем найти в ней примеры и бескорыстного, честного труда без малейшей надежды не только на награду, но хотя бы на минимальное признание, и настоящего товарищества. И пример этот тем важнее, чем больше испытаний выпало на долю этого человека. Будучи ведущим участником самых острых общественных споров 1930-х, когда поражение часто являлось синонимом смерти, Лифшиц не был замешан в интригах — он не писал доносов, тогда как на него и его друзей высшие литературные чиновники писали доносы самому Сталину, клеветнически обвиняя Лифшица в антимарксизме. Он ушел на фронт в первые дни войны, изведая все ужасы окружения. Однажды был даже поставлен фашистами в яму для расстрела, и только чудом ему удалось спастись (см.: [21]). Самое трудное — это преодолеть собственный эгоизм, который часто был главным двигателем того или иного человека под видом борьбы за коммунистическую мораль. Ради общего дела Лифшиц мог дарить свои идеи другим людям, своим ученикам, сам оставаясь в тени. Некоторые его ученики сделали блестящую карьеру, стали академиками и почетными докторами зарубежных университетов, но, увы, приписывали эти заслуги исключительно самим себе, забыв о своем учителе, который никаких государственных премий и наград за свои выдающиеся труды в области философии не получал. Важнейшие идеи Лифшица оставались неизвестными при его жизни, его работы по философии марксизма — отногносеология и «теории тождеств» — были впервые опубликованы лишь через двадцать с лишним лет после его смерти. Фактическое предательство Лифшица со стороны некоторых его учеников, занимавших в официальной советской науке более высокое положение, чем он, — еще одно свидетельство падения общественной коммунистической нравственности в СССР, победа над социализмом «лавочников, наряженных коммунистами», как говорил сам Лифшиц.

Обратить внимание на *главное в экономической теории социализма Ленина и Маркса* — то главное, что многим коммунистам казалось чем-то второстепенным, какой-то эстетикой и этикой, чем-то вроде лживой проповеди священника в церкви о пользе морали, — необходимо именно сегодня, когда

мы вновь задаемся вопросом о будущем социализма. Согласно Лифшицу, самое главное, что социализм может предложить человечеству, — это развитие экономики на основе товарищества, восстановление не только идеала, но прежде всего практики честного и свободного труда. Парадоксально, но действительное содержание этой альтернативы гораздо лучше всевозможных левых и радикально левых движений понимает в наши дни сам мировой капитализм в лице своих многочисленных идеологов — от утонченных буржуазных профессоров-марксистов до топорных пропагандистов всех сортов. Моральные и теоретические проповеди его совершенно не пугают — он уже много десятилетий назад допустил их даже в свои университеты, — не боится он и страшного бунта обезумевшей посреди ужасов цивилизации толпы людей, ему не страшен религиозный фундаментализм, он не пугается борцов за права сексуальных меньшинств, кажется, будто бы абсолютно все он способен переварить и обратить в свою пользу. И все же существует единственная вещь, одна возможность появления которой приводит его в подлинный ужас, заставляя бросать все силы на ее физическое уничтожение и моральную дискредитацию: эта вещь — товарищество, но не товарищество бандитской шайки, каким является сегодня любой союз в любой буржуазной партии (увы, часто и в «левых» тоже), а товарищество, порожденное не моральными проповедями, но самим процессом материального производства. Только там, где победа в экономическом соревновании с мировым капиталом возникает благодаря росту самосознания и самоорганизации народа, его способности управлять политическими и экономическими процессами, — только там можно говорить о возникновении социалистических производственных отношений, только на этой основе может возникнуть более высокая, чем при капитализме, производительность труда. Если же ради экономического выигрыша приносится в жертву саморазвитие и самовоспитание народа, если народ превращается в послушное «социалистическому» государству стадо, то любой выигрыш в экономике неизбежно обернется катастрофой для дела социализма и коммунизма. Вот главный вывод, какой марксисты должны сделать из развала СССР. Эта новая экономическая наука — а это именно марксистская экономическая наука, а не моральная проповедь — пока не понята и не освоена мировым коммунистическим движением.

Капитал ясно видит, какую угрозу заключает в себе любое реальное зерно социализма и потому повсюду он делает все возможное, чтобы разобщить людей, сохранить, законсервировать их в атомистическом состоянии, а там, где это оказывается невозможным, — стереть их в порошок и оболгать. Но «не надо бояться старых верных решений» [19, с. 581], писал Мих. Лифшиц в одной из своих поздних работ. Нужно мечтать, писал Ленин, ведь порою именно мечты оказываются ближе к действительности, чем самые циничные расчеты самых трезвых умов. У такой мечты есть будущее, у того, что ей противостоит, его уже давно нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсланов В. Г. «Достоевского на вас нет!» Спор Мих. Лифшица с советской интеллигенцией в свете митингов «За честные выборы!» // Лифшиц Мих. Разговор с чертом — М., 2013. — С. 216–226.
2. Арсланов В. Г. Теория и история искусствознания. Античность. Средние века. Возрождение. — М., 2015.
3. Арсланов В. Г. Теория и история искусствознания. Просвещение. Ф. Шеллинг и Г. Гегель. — М., 2015.
4. Арсланов В. Г. Теория и история искусствознания. XX век. Духовно-исторический метод. Социология искусства. Иконология. — М., 2015.
5. Арсланов В. Г. Теория и история искусствознания. XX век. Постмодернизм. — М., 2015.
6. Арсланов В. Г. Теория и история искусствознания. XX век. Формальная школа. — М., 2015.
7. Арсланов В. Г. Сущее и Ничто. — СПб., 2015.
8. Ленин В. И. Как чуть не потухла «Искра»? // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. — М., 1967. — Т. 4. — С. 334–352.
9. Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. — М., 1975. — Т. 45. — С. 389–406.
10. Ленин В. И. Что делать? // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. — М., 1963. — Т. 6. — С. 1–192.
11. Лессинг Г. Э. Гамбургская драматургия. — М., 1936.
12. Лифшиц Мих. Гегель и ленинизм // Лифшиц Мих. О Гегеле — М., 2012. — С. 273–284.
13. Лифшиц Мих. Заметки по поводу рассказа А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» // Лифшиц Мих. Очерки русской культуры — М., 2015. — С. 618–624.
14. Лифшиц Мих. И. И. Винкельман и три эпохи буржуазного мировоззрения // Лифшиц Мих. Собр. соч.: в 3 т. — М., 1986. — Т. 2. — С. 57–114.
15. Лифшиц Мих. На разные темы // Лифшиц Мих. Либерализм и демократия. — М., 2007. — С. 59–83.
16. Лифшиц Мих. Нравственное значение Октябрьской революции // Лифшиц Мих. Собр. соч.: в 3 т. — М., 1988. — Т. 3. — С. 230–259.
17. Лифшиц Мих. О культуре и ее пороках // Лифшиц Мих. Либерализм и демократия. — М., 2007. — С. 39–59.
18. Лифшиц Мих. Письмо М. М. Михайлову от 19.06.1979 // Лифшиц Мих. Письма В. Досталу, В. Арсланову, М. Михайлову. — М., 2011. — С. 197–200.
19. Лифшиц Мих. Чего не надо бояться // Лифшиц Мих. Мифология древняя и современная — М., 1980. — С. 556–582.
20. Лифшиц Мих. Varia. — М., 2010.
21. Мих. Лифшиц / под ред. В. Г. Арсланова — М.: РОССПЭН, 2010.
22. Lukacs G. Gelebtes Denken. — Frankfurt am Main, 2011.